

ТИПОЛОГИЯ И ДИАХРОНИЯ: НАБЛЮДЕНИЯ НАД ПАДЕЖНЫМ СИНКРЕТИЗМОМ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ¹

П. М. Аркадьев (РГГУ, Москва)

(в печати в сборнике *Язык. Личность. Текст. К 70летию Т. М. Николаевой*,
М.: Языки славянской культуры, 2005)

0. Предварительные замечания.

Цель данной работы — показать на материале падежного словоизменения славянских языков, как взаимодействуют синхронно-типологические и диахронические тенденции в морфологии. В качестве объекта анализа выбраны разнообразные случаи падежного синкретизма (понимаемого как материальное совпадение словоформ, грамматические характеристики которых различаются только граммемами падежа, т. е. омонимия форм в пределах *номинатемы*, см. Зализняк 2002 (1973): 618 — 620), которыми изобилует славянское склонение.

Необходимо отметить, что это явление сравнительно хорошо изучено, преимущественно за рубежом, как в исторической, так и в типологической перспективе (см. хотя бы такие работы, как Krámský 1974, Boeder 1976, Plank 1979, 1986, 1990, 1991, Goddard 1982, Carstairs 1984, 1987: ch. 4, Zwicky 1985, Luraghi 1987, 1991, 2000, Coleman 1991, Meiser 1992, Stump 1993, 2001: ch. 7, Williams 1994, Johnston 1997, Baerman et al. 2002; славянским языкам и, в частности, русскому языку, посвящены работы Дурново 1971 (1922), Якобсон 1985 (1936), 1985 (1958), Добромыслова 1961, Хабургаев 1963, Сологуб 1972, 1983, Georgiev 1973, Hamilton 1974, Chvany 1996 (1982), Gvozdanović 1991). Тем не менее, не следует думать, что про падежный синкретизм уже всё известно; в частности, лишь в последние годы была поставлена задача создать каталог случаев падежного синкретизма, представленных в языках мира (см. Baerman et al. in progress), а без такого рода базы данных трудно делать надёжные типологические обобщения. Тем не менее, можно с уверенностью утверждать, что значительная

¹ Я благодарю Д. С. Ганенкова, А. В. Дыбо, И. Б. Иткина и В. А. Плунгяна, ознакомившихся с рукописью статьи на разных стадиях её подготовки и высказавших ряд ценных замечаний, которые я постарался учесть. Естественно, ответственность за все возможные ошибки и неверные трактовки несу я один.

часть известных случаев падежного синкретизма, вопреки представлению некоторых исследователей (ср. хотя бы Trnka 1992), не является результатом случайного совпадения показателей, вызванного историческими изменениями фонетики, и имеет принципиально иную природу, нежели лексическая омонимия типа *лук₁* vs. *лук₂*. Напротив, падежный синкретизм — важный и интересный параметр межъязыкового варьирования, на который налагаются весьма строгие типологические ограничения. Некоторые из этих ограничений и будут рассмотрены ниже.

1. Типология падежного синкретизма.

В данном разделе я кратко опишу те установленные на данный момент параметры типологии падежного синкретизма, которые релевантны для обсуждения фактов славянских языков. Эти параметры были выявлены и проверены на материале языков различных семей и ареалов и имеют несомненное лингвистическое значение.

1.1. Систематический vs. несистематический синкретизм. При анализе падежного синкретизма как в конкретном языке, так и в типологическом освещении, важно отличать случаи синкретизма, являющиеся характерными и значимыми признаками данной падежной системы, от тех, которые разумнее трактовать как случайные (о разных подходах к этой проблеме см. Zwicky 1985, 1991; Carstairs 1984, 1987: 91 — 106; Plank 1990: 395 — 400, 405; 1991: *passim*; Coleman 1991: 199 — 201; Корбет, Фрэзер 1997: 132 — 134).

Систематическими я буду называть те случаи синкретизма, которые характеризуют относительно большие группы номинатем, объединённых по некоторому грамматическому признаку, значимому для данной падежной системы. Случаи синкретизма, не удовлетворяющие данному определению, я буду называть *несистематическими*. Это определение, разумеется, неформально, а само противопоставление носит скорее градуальный, нежели абсолютный характер. Приведу несколько характерных примеров.

Типичный случай систематического синкретизма — совпадение Acc с Nom или с Gen в зависимости от одушевлённости в русском языке, ср. следующие парадигмы существительных во множественном числе:

	неодушевлённые				одушевлённые		
Nom	<i>камни</i>	<i>города</i>	<i>морозы</i>	<i>окна</i>	<i>соседи</i>	<i>арабы</i>	<i>поросята</i>
Acc	<i>камни</i>	<i>города</i>	<i>морозы</i>	<i>окна</i>	<i>соседей</i>	<i>арабов</i>	<i>поросят</i>
Gen	<i>камней</i>	<i>городов</i>	<i>морозов</i>	<i>окон</i>	<i>соседей</i>	<i>арабов</i>	<i>поросят</i>

Характерной особенностью, ярко выраженной в этом примере, является независимость систематического синкретизма от облика конкретных показателей: каким бы окончанием не были выражены NomPl или GenPl в русском языке, AccPl всегда совпадает с одним из них в зависимости от грамматического признака одушевлённости лексемы.

Типичный случай несистематического синкретизма представлен в хакасском языке (Баскаков (ред.) 1975):

	‘лыжи’	‘шуба’	‘моя лошадь’
Nom	<i>sana</i>	<i>ton</i>	<i>adym</i>
Abl	<i>sanadaŋ</i>	<i>tonnaŋ</i>	<i>adymnaŋ</i>
Ins	<i>sananaŋ</i>	<i>tonnaŋ</i>	<i>adymnaŋ</i>

Здесь легко выделяются показатели Abl (-*daŋ*) и Ins (-*naŋ*); при этом действует морфонологическое правило, требующее уподобления начального *d* суффикса конечному согласному корню, в результате чего у довольно обширного множества существительных эти показатели оказываются омонимичными. Тем самым, омонимия показателей в хакасском языке обусловлена исключительно особенностями фонотактики, а не морфологии этого языка.

1.2. Классификация случаев синкретизма в зависимости от затрагиваемых падежей. Другой важный параметр при анализе падежного синкретизма — какие падежи им затронуты. Вслед за работой Ваerman et al. 2002 я выделяю следующие основные типы:

- ◆ синкретизм ядерных падежей (Nom и Acc в языках аккумулятивного строя, Abs и Erg в языках эргативного строя); ядерные падежи являются в языках с падежами основным средством выражения базовых грамматических отношений S (единственный актант непереходного глагола), A (Актор переходного глагола) и U (Претерпевающий переходного глагола), см. Dixon 1994: 6 — 8, Кибрик 2003: 114 — 115; Nom и Abs называются «немаркированными», а Acc и Erg — «маркированными» ядерными падежами;

- ◆ синкретизм одного (как правило, «маркированного») или обоих ядерных падежей и одного или нескольких периферийных падежей;
- ◆ синкретизм нескольких периферийных падежей.

Все три типа широко представлены в славянском ареале. Приведу примеры из русского языка:

- ◆ синкретизм ядерных падежей и «маркированного» ядерного падежа с периферийным был проиллюстрирован выше на примере совпадения Acc с Nom или Gen;
- ◆ синкретизм периферийных падежей — например, совпадение Gen и Loc во множественном числе всех прилагательных и местоимений, ср.:

Nom	<i>дома</i>	<i>красивые</i>	<i>эти</i>	<i>мы</i>
Gen	<i>домов</i>	<i>красивых</i>	<i>этих</i>	<i>нас</i>
Loc	<i>домах</i>	<i>красивых</i>	<i>этих</i>	<i>нас</i>

В данной работе меня будут интересовать случаи падежного синкретизма первых двух типов, поскольку именно они в наибольшей степени проявляют нетривиальные особенности межъязыкового варьирования.

1.3. Ограничения на синкретизм ядерных падежей. Синкретизм, затрагивающий только ядерные падежи — наиболее распространённый тип в языках мира. Он имеется, в частности в индоевропейских, северокавказских, финно-угорских, австралийских языках.

Вопрос о том, случайно ли распределение совпадающих и различающихся форм ядерных падежей в парадигмах, — пожалуй, единственный такого рода вопрос, привлёкший особое внимание лингвистов и получивший относительно убедительное решение. Как было продемонстрировано в известной статье Silverstein 1976 (см. также Dixon 1994: 83 — 94, Goddard 1982)², выражение базовых грамматических функций в языках мира подчиняется следующему принципу:

чем выше (левее) данная лексема в Иерархии Агентивности (см. ниже), тем больше вероятность, что она будет иметь особую словоформу, вы-

² Данной проблематике посвящён практически необозримый массив литературы, но большая его часть не имеет прямого отношения к рассматриваемому вопросу, поэтому я позволяю себе сослаться лишь на наиболее релевантные. Подробный обзор см. хотя бы в Тестелец 1986: Прил. 1.

ражающую функцию U, а чем ниже (правее) данная лексема в Иерархии Агентивности, тем больше вероятность, что она будет иметь особую словоформу, выражающую функцию A.

Иерархия Агентивности выглядит так (Dixon 1994: 85):

местоимения			существительные			
1 лицо	2 лицо	3 лицо	личные имена	люди	животные	прочие
бóльшая Агентивность			меньшая Агентивность			

Из сформулированного принципа, в частности, вытекает, что

◆ если в языке с противопоставлением Abs ~ Erg имеется их синкретизм у имён, занимающих более низкое положение в Иерархии Агентивности, то такой синкретизм имеется и у лексем, занимающих более высокое положение в Иерархии Агентивности;

◆ если в языке с противопоставлением Nom ~ Acc имеется их синкретизм у лексем, занимающих более высокое положение в Иерархии Агентивности, то такой синкретизм имеется и у лексем, занимающих более низкое положение в Иерархии Агентивности;

Приведённые только что предсказания, в общем, подтверждаются языковыми данными; в частности, синкретизм NomAcc у определённых классов существительных (неодушевлённые, неличные, среднего рода) в большинстве индоевропейских языков, сохраняющих аккузативную систему маркирования S, A и U, может быть объяснён именно исходя из этого принципа.

Как и к любой универсалии, к сформулированному принципу имеются исключения; приведу одно из наиболее показательных: тохарский A язык (Krause, Thomas 1960), где Nom и Acc, различающиеся у ряда существительных во множественном числе (в том числе и неодушевлённых), совпадают у личных местоимений:

	‘города’	‘мы’
Nom	<i>riñ</i>	<i>was</i>
Acc	<i>ris</i>	<i>was</i>

1.4. Ограничения на синкретизм ядерных и периферийных падежей. Для того, чтобы установить нетривиальные закономерности распределения случаев синкретизма ядерных и периферийных падежей в языках мира, мной были об-

работаны данные около ста языков различной генетической и ареальной принадлежности (подробнее см. Аркадьев рукопись, Arkadiev 2004). В результате были выявлены следующие факты (здесь и далее я буду говорить только об аккумулятивных языках):

- ◆ наиболее часто встречается синкретизм «маркированного» ядерного падежа (Acc) с одним из «грамматических» периферийных падежей — Dat или Gen;
- ◆ значительно реже встречается синкретизм «маркированного» ядерного падежа (Acc) с одним из «неграмматических» периферийных падежей (например, Ins или Loc);
- ◆ довольно часто встречается синкретизм обоих ядерных падежей с одним из «грамматических» периферийных;
- ◆ редко встречается синкретизм «немаркированного» ядерного падежа (Nom) с периферийными падежами, как «грамматическими», так и «неграмматическими».

Те случаи синкретизма, которые встречаются в языках часто, как правило, оказываются систематическими и диахронически стабильными (являются «естественными» в терминах работы Dressler (ed.) 1987). Напротив, редко встречающиеся случаи синкретизма почти всегда несистематичны и имеют тенденцию к исчезновению из языка в процессе его развития.

Для объяснения обнаруженных фактов была привлечена сформулированная на независимых основаниях Иерархия падежей (см. Blake 1994: 157 — 162):

Nom > Acc > Gen, Dat > остальные периферийные падежи

Ограничение на падежный синкретизм, сформулированное в терминах Иерархии падежей, выглядит так:

систематическими и диахронически стабильными могут быть только такие случаи падежного синкретизма, которые затрагивают падежи, расположенные рядом на Иерархии падежей.

Тем самым, Иерархия допускает синкретизм ядерных падежей (NomAcc), «маркированного» ядерного падежа с одним из «грамматических» периферийных (AccGen или AccDat), разнообразные случаи синкретизма периферийных падежей, а также синкретизм обоих ядерных падежей с «грамматическими» перифе-

рийными падежами (NomAccGen или NomAccDat). Напротив, Иерархия предсказывает, что нарушающие её случаи синкретизма, например, NomDat или AccIns не будут систематическими и диахронически стабильными.

2. Падежный синкретизм в славянских языках в свете данных типологии.

В этом разделе я остановлюсь на некоторых аспектах исторического развития отдельных моделей падежного синкретизма в славянских языках и анализирую их в терминах, введённых в предыдущем разделе. Особое внимание будет уделено тому, как выявленные в результате синхронного типологического анализа ограничения на возможные модели синкретизма влияют на направление диахронической эволюции системы склонения и взаимодействуют с другими факторами. Данные славянских языков представляют специфический интерес потому, что в их истории были этапы, когда в языке имелись случаи синкретизма, нарушающие выведенные типологические ограничения; тем самым, рассматриваемый материал даёт дополнительные аргументы в пользу предлагаемой типологии.

2.1. Иерархия Агентивности vs. «гармония системы»: история слов мать и дочь. Возникновение категории одушевлённости/неодушевлённости в славянских языках, проявляющейся, как правило, в распределении случаев синкретизма NomAcc и AccGen, довольно хорошо исследована (см. хотя бы Борковский, Кузнецов 1963: 208 — 211; Comrie 1978, Huntley 1980, ср. также Булаховский 1956: 21 — 30). Здесь я лишь в самых общих чертах обрисую этот процесс.

В индоевропейском языке для Nom и Acc единственного числа не среднего рода имелись различные показатели: **-s* (кроме *a*-основ женского рода) и **-m* соответственно (Семереньи 1980: 170). Основы, к которым присоединялись эти показатели, в большинстве случаев оканчивались на гласный (**-o*, **-u*, **-i*), который во многих исторических языках в результате переразложения стал частью окончания; в результате появились новые показатели Nom и Acc, соответственно, **-os*, **-us*, **-is* и **-om*, **-um*, **-im*. В праславянском языке при редукции конечных слогов (см. Мейе 2000 (1934): 117 — 123) эти показатели

совпали: **-os*, **-om*, **-us*, **-um* > **-ъ*³; **-is*, **-im* > **-ь*. Тем самым, в большинстве именных парадигм (за исключением *a*-основ женского рода и малочисленных основ на согласный) древних славянских языков появился систематический синкретизм NomSg = AccSg, ранее наблюдавшийся только в среднем роде.

Указанная только что ситуация, при которой подавляющее большинство существительных с одушевлёнными референтами не различает Nom и Acc в единственном числе (противопоставление этих падежей во множественном числе сохранялось, по крайней мере, сначала, и у *o*-основ, и у *i*-основ мужского рода), привела к тому, что, во-первых, возникла необходимость как-то разрешать неоднозначность в конструкциях, где и подлежащее, и прямое дополнение — одушевлённые имена мужского рода в единственном числе, и, во-вторых, устранить асимметрию в выражении Nom и Acc между единственным и множественным числом. Это, наряду с уже имевшейся тенденцией употреблять имя в Gen в позиции прямого дополнения в некоторых контекстах (см. Крысько 1997), привело к тому, что постепенно все имена мужского рода были разделены на два класса — одушевлённые и неодушевлённые, характеризующиеся соответственно синкретизмом AccGen и NomAcc в единственном числе. Это деление проникло и во множественное число (где во многих славянских языках показатели Nom и Acc также слились), однако в разной степени: если в русском языке во множественном числе противопоставление одушевлённых и неодушевлённых имён и, соответственно, распределение случаев синкретизма AccGen или NomAcc, охватывает все существительные и прилагательные и не зависит от рода, то в польском языке оно имеется только в мужском роде (ср. Курилович 1962 (1947)). Это чисто морфологическое явление, не связанное ни с какими фонетическими процессами, представляет собой вытеснение одной словоформы (Acc) другой (Gen) в ряде синтаксических контекстов. Такое развитие в полной мере согласуется с Иерархией Агентивности, предсказывающей, что функции

³ По-видимому, совпадение показателей NomSg и AccSg у *o*-основ имело место не во всех славянских диалектах; в частности, в древненовгородском диалекте в NomSg вместо ожидаемого **-ъ* фигурирует *-ѣ*; существуют разные гипотезы относительно происхождения этого окончания, подробнее см. Зализняк 1995: 82 — 87. Возможно, что оно всё же является результатом фонетического развития праславянского **-os*, дававшего в древненовгородском нестандартный рефлекс, ср. отмеченную в этих говорах флексию 1PI презенса *-мѣ* (вместо ожидаемого *-мъ* < **-mos*); я благодарю А. В. Дыбо, обратившую моё внимание на этот факт.

Nom и Acc будут скорее различаться у имён, обозначающих одушевлённые объекты, и скорее совпадать у имён, обозначающих неодушевлённые объекты. Тем не менее, отдельные факты развития русского языка явно противоречат этому предсказанию.

Как уже было сказано выше, в праславянском языке (и в раннедревнерусском тоже) Nom и Acc в единственном числе различались лишь у *a*-основ женского рода (NomSg **жена**, AccSg **женоу**) и у основ на согласный мужского рода (NomSg **камы**, AccSg **камень**) и женского рода (NomSg **мати**, AccSg **матерь**). В современном русском литературном языке склонение на согласный как таковое отсутствует, а лексемы, ранее относившиеся к нему, распределились по другим типам склонения: слова типа **камы** стали склоняться как слова типа *конь*, а слова типа **мати** — как слова типа *печь* (см. Борковский, Кузнецов: 190 — 193). Нельзя не заметить при этом, что одушевлённые лексемы женского рода (**мати**, **дъчи**, **свекры** и некоторые другие), в древнерусском различавшие Nom и Acc в единственном числе, в современном не проводят такого различия. Тем самым, налицо развитие, нарушающее ограничение на синкретизм, связанное с Иерархией Агентивности.

Объяснение такого исторического процесса, противоречащего ожиданиям, связанным с Иерархией Агентивности, тем не менее, довольно просто: лексемы типа **камы** и **свекры** явно не удовлетворяли важному свойству, которое В. У. Вурцель (Wurzel 1987: 65 ff.) называет «гармонией системы» (*system-congruity*); несколько огрубляя, можно сказать, что соответствие некоторого словоизменительного класса «гармонии системы» заключается в том, насколько он похож на другие словоизменительные классы данного языка. Слова склонения на согласный были в наименьшей степени похожи на все остальные лексемы древнерусского языка: во-первых, у них, в отличие от всех прочих имён, было две основы (прямая и косвенная); во-вторых, только у них (а также у близких к ним *и*-основ типа **сынъ**, довольно быстро влившихся в основное склонение мужского рода) имелся синкретизм GenLoc в единственном числе. Кроме того, формы AccSg **камень** и **свекръвь** могли потенциально относиться каждая к двум разным типам склонения: малочисленному и «неестественному» согласному и продуктивным мягкому варианту *o*-склонения и *i*-склонению соответственно. В результате эти лексемы перешли как раз в те типы склонения, которые

были, с одной стороны, наиболее продуктивными, и, с другой, наиболее «подходили» для приёма слов типа **камы** и **свекры**. Тем самым, требования «гармонии системы» оказались сильнее Иерархии Агентивности.

Здесь надо отметить также, что лексемы **мати** и **свекры** проникли в *i*-склонение несколькими разными способами, что легко видеть, если сравнить древнерусскую и современную парадигмы:

	древнерусский	современный	древнерусский	современный
NomSg	мати	<i>мать</i>	свекры	<i>свекровь</i>
AccSg	матерь	<i>мать</i>	свекръвь	<i>свекровь</i>
GenSg	матере	<i>матери</i>	свекръвѣ	<i>свекрови</i>

Как видно, у лексемы *мать* форма NomAccSg восходит к древнерусскому NomSg (с редукцией конечного *-и*), а чередование прямой и косвенной основ сохраняется, что делает лексемы *мать* и *дочь* уникальными в составе русского *i*-склонения. У лексемы *свекровь*, напротив, форма NomAccSg восходит к древнерусскому AccSg, а чередование основ, тем самым, устранилось. Возможно, такое развитие связано с относительной частотой соответствующих слов: более употребительные *мать* и *дочь* оказались более устойчивыми к процессам унификации парадигм⁴. В этой связи интересна судьба лексемы **mati* в польском языке⁵, где она перешла в *i*-склонение, но имеет во всех падежах единую основу *macierz*:

NomSg	<i>macierz</i>
AccSg	<i>macierz</i>
GenSg	<i>macierzy</i>

При этом следует отметить, что эта лексема, по-видимому, довольно давно перестала быть широко употребительной (ср. Reczek 1968: 196), что, скорее всего, и привело к более радикальному преобразованию её склонения.

2.2. *Иерархия падежей и судьба славянского InsPl*. Описанное в первом разделе ограничение на синкретизм ядерных и периферийных падежей, связан-

⁴ О развитии этих лексем в русских диалектах см. Сологуб 1983: 85 — 87. Необходимо указать также, что *матерь* употребляется в качестве формы NomAccSg в устойчивых сочетаниях (*матерь Божия*) и композитах (*богоматерь*, *праматерь*).

⁵ Здесь и далее данные славянских языков приводятся по de Bray 1980a, b.

ное с устанавливаемой на независимых основаниях Иерархией падежей, несомненно, может быть проинтерпретировано в диахронических терминах. Из того факта, что случаи систематического синкретизма, допускаемые Иерархией (например, NomAcc или AccGen) синхронно встречаются значительно чаще, чем те, что Иерархию нарушают (например, NomDat или AccIns), естественным образом следует, что в процессе исторического развития падежных систем случаи синкретизма, противоречащие Иерархии, возникают реже, а если возникают, то затем устраняются. Кроме того, можно предположить, что основным источником «нехороших» случаев синкретизма являются фонетические, а не собственно морфологические процессы; последние включаются, когда становится необходимым устранить из системы случай синкретизма, нарушающий общие закономерности.

В праславянском языке в результате фонетического развития древних окончаний *o*-склонения мужского рода NomPl **-oi*, AccPl **-ons* и InsPl **-ī* (Мейе 2000 (1934): 327 — 329) появились два случая падежного синкретизма, нарушающих Иерархию падежей, ср. фрагменты старославянских парадигм:

	<i>o</i> -основы	<i>jo</i> -основы
NomPl	вльци	мжжи
AccPl	влькы	мжжѧ
InsPl	влькы	мжжи

В большинстве современных славянских языков (за исключением чешского и словенского⁶) оба случая синкретизма были устранены путём перестройки формы InsPl, ср.

твёрдые основы			
	русский язык	польский язык	словацкий язык
NomPl	<i>столы</i>	<i>koty</i>	<i>hrady</i>
AccPl	<i>столы</i>	<i>koty</i>	<i>hrady</i>
InsPl	<i>столами</i>	<i>kotami</i>	<i>hradmi</i> ⁷

⁶ Словенский язык, по-видимому, являет собой одно из немногих явных исключений к Иерархии падежей: в нём синкретизм NomIns сохранился в большом числе случаев, по крайней мере, у многих имён мужского рода с неподвижным ударением. Что же касается синкретизма AccIns, то он был устранён путём обобщения мягкого варианта показателя AccPl *-e < *e*.

МЯГКИЕ ОСНОВЫ			
	русский язык	польский язык	словацкий язык
NomPl	<i>мечи</i>	<i>kraje</i>	<i>meče</i>
AccPl	<i>мечи</i>	<i>kraje</i>	<i>meče</i>
InsPl	<i>мечами</i>	<i>krajami</i>	<i>mečmi</i>

Чешский литературный язык⁸ не перестроил форму InsPl в *o*-склонении по модели других словоизменительных типов, однако изменил распределение случаев синкретизма, затрагивающих рассматриваемые три падежа, ср. следующие парадигмы:

	одушевлённые				неодушевлённые		
Nom	<i>páni</i>	<i>muži, mužové</i>	<i>předsedové</i>	<i>soudci, soudcové</i>	<i>hrady</i>	<i>stroje</i>	<i>dni, dny</i>
Acc	<i>pány</i>	<i>muže</i>	<i>předsedy</i>	<i>soudce</i>	<i>hrady</i>	<i>stroje</i>	<i>dny</i>
Ins	<i>pány</i>	<i>muži</i>	<i>předsedy</i>	<i>soudci</i>	<i>hrady</i>	<i>stroji</i>	<i>dny</i>

Как нетрудно заметить, наиболее «нехороший» случай синкретизма (NomIns) сохранился лишь у небольшого числа одушевлённых имён, в то время как также нарушающий Иерархию падежей синкретизм AccIns остался в довольно большом числе подтипов склонения (и, по-видимому, стал систематическим). Весьма характерно и то, что у форм NomPl, совпадающих с InsPl, появились пары с

⁷ В среднесловацких говорах, согласно работе Трубецкой 1987 (1937): 218, различие форм NomPl и InsPl у существительных мужского рода происходило с помощью морфонологического процесса — удлинения гласной во флексии InsPl, ср. NomPl *hrady*, InsPl *hrady* > NomPl *hrady*, InsPl *hrady*. Когда впоследствии долгие гласные вновь подверглись редукции, в качестве показателей InsPl были заимствованы флексии из других типов склонения, ср. современные словацкие формы NomPl *hrady*, InsPl *hradmi*. То же происходило и центрально-моравских диалектах, ср. такие формы InsPl как *chlapý, nožý* (Bělič 1972: 273).

⁸ В чешских диалектах, особенно средне- и восточно-моравских, ситуация такая же, как и в других славянских языках: в InsPl преобладают флексии *-(a)mi, -(a)ma* (Bělič 1972: 162 — 163, 265 и др.; Травничек 1950: 1950), начавшие проникать в *o*-склонение (причём более активно в мягкий его вариант, где как раз и имел место синкретизм NomIns) из *a*-склонения и *i*-склонения в XIV в. (Gebauer 1960: 19 — 20, 111 — 112); возврат к древнечешским формам на *-y/-i*, возможно, был следствием тенденции к архаизации литературной нормы. Я благодарен А. В. Дыбо, обратившей моё внимание на эти факты.

флексией *-ové*, т. е. среди словоформ NomPl теперь во всех подтипах склонения имеются отличающиеся от форм InsPl.

3. Заключение.

В данной работе я хотел продемонстрировать на конкретных примерах действие типологических факторов в диахронии, а также показать, что в такой, казалось бы, лингвоспецифичной области, как падежный синкретизм и его историческое развитие, возможны типологически значимые обобщения. Коротко суммирую полученные результаты:

- ◆ распределение случаев падежного синкретизма, наблюдаемых в самых разных языках мира, не случайно, а подчиняется установленным на независимых основаниях универсальным ограничениям (Иерархия агентивности и Иерархия падежей);
- ◆ факторы, регулирующие синхронное распределение случаев падежного синкретизма, оказывают существенное влияние на диахронические процессы в морфологии.

Как представляется, дальнейшие исследования в этой области лишь укрепят наши представления о неслучайном и универсальном характере ограничений на синхронное и диахроническое варьирование в морфологии.

Сокращения

Abl — аблатив	Ins — инструменталис
Abs — абсолютив	Loc — локатив
Acc — аккузатив	Nom — номинатив
Dat — датив	Pl — множественное число
Erg — эргатив	Sg — единственное число
Gen — генитив	

Цитированная литература

П. М. Аркадьев. *Типология падежного синкретизма*. Курсовая работа. М., РГГУ, Институт лингвистики, 2002. Рукопись.

Н. А. Баскаков (ред.). *Грамматика хакасского языка*. М.: «Наука», 1975.

В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. *Историческая грамматика русского языка*. М.: АН СССР, 1963.

Л. А. Булаховский. Грамматическая индукция в славянском склонении // *Вопросы языкознания*, 1956, № 4, с. 14 — 30.

А. Н. Добромыслова. К интерпретации одного явления падежного синкретизма в древнем новгородском говоре // *Вопросы языкознания*, 1961, № 6, с. 83 — 89.

Н. Н. Дурново. О склонении в современном великорусском литературном языке // *Вопросы языкознания*, 1971, № 4, с. 90 — 103. (N. N. Durnovo. De la déclinaison en grand-russe littéraire moderne // *Revue des études slaves*, 1922, 2, pp. 235 — 255).

А. А. Зализняк. *Древненовгородский диалект*. М.: «Языки русской культуры», 1995.

А. А. Зализняк. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях. 2-е изд. // А. А. Зализняк. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: «Языки славянской культуры», 2002, с. 613 — 647. (1-е изд. в сб. А. А. Зализняк (ред.). *Проблемы грамматического моделирования*. М.: «Наука», 1973).

А. Е. Кибрик. *Константы и переменные языка*. СПб.: «Алетейя», 2003.

Г. Г. Корбет, Н. М. Фрэзер. Компьютерная лингвистика и типология // *Вестник Московского Университета. Серия 9. Филология*. 1997, № 2, с. 122 — 140.

В. Б. Крысько. *Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность*. М.: «Индрик», 1997.

Е. Курилович. Аккузатив-генитив и номинатив-аккузатив мужского рода в польском языке // Е. Курилович. *Очерки по лингвистике*. Москва: «Издательство иностранной литературы», 1962, с. 210 — 217. (J. Kuryłowicz. Męski acc.-gen. i nom.-acc. języku polskim // *Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności*, t. 48 (1947), s. 12 — 16).

А. Мейе. *Общеславянский язык*. Пер. с франц., 2-е изд. М.: «Прогресс», 2000. (A. Meillet. *Le Slave Commun*. 2d éd. Paris: Champion, 1934)

О. Семереньи. *Введение в сравнительное языкознание*. Пер. с немецкого. М.: «Прогресс», 1980. (O. Szemerényi. *Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft*. Darmstadt, 1970).

А. И. Сологуб. Формы родительного, дательного и предложного падежей существительных женского рода продуктивного типа склонения в русских говорах // *Вопросы языкознания*, 1972, № 1, с. 68 — 81.

А. И. Сологуб. О синкретизме форм в склонении существительных женского рода единственного числа по диалектным данным // Р. И. Аванесов (ред.). *Русские народные говоры. Лингвогеографические исследования*. М.: «Наука», 1983, с. 82 — 88.

Я. Г. Тестелец. *Эргативная конструкция и эргативообразное построение*. Диссертация ... кандидата филологических наук. М., 1986.

Фр. Травничек. *Грамматика чешского литературного языка*. Пер. с чешского. М.: «Иностранная литература», 1950.

Н. С. Трубецкой. Мысли о словацком склонении // Н. С. Трубецкой. *Избранные труды по филологии*. М.: «Прогресс», 1987, с. 210 — 218. (N. S. Trubetzkoy. Gedanken über die slovakische Deklination. // *Sborník Matice slovenskej*, roč. XV, časť prvá — Jazykoveda, 1937, s. 39 — 47)

Г. А. Хабургаев. К вопросу об интерпретации падежного синкретизма в русских говорах // *Вопросы языкознания*, 1963, № 3, с. 68 — 73.

Р. О. Якобсон. *Избранные работы*. М.: «Прогресс», 1985.

Р. О. Якобсон. К общему учению о падеже // Якобсон 1985: 133 — 175. (R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. Gesamtbedeutungen der Russischen Kasus. // *Travaux du cercle linguistique de Prague*, VI, 1936)

Р. О. Якобсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением // Якобсон 1985: 176 — 197. (Доклад на IV Международном съезде славистов, Москва, 1958).

P. Arkadiev. How Case Hierarchy constrains case syncretism cross-linguistically. Paper presented at the 11th Morphology Meeting, Vienna, February 14 — 18, 2004.

M. Baerman, D. Brown, G. G. Corbett. Case syncretism in and out of Indo-European // *Papers from the 37th Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Vol. 1. Chicago, 2002, pp. 15 — 28.

M. Baerman, D. Brown, G. G. Corbett. *The Surrey Syncretism Database*. In progress. <http://www.smg.surrey.ac.uk/Syncretism/index.aspx>.

J. Bělič. *Nástin české dialektologie*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1972.

B. J. Blake. *Case*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

W. Boeder. Morphologische Kategorien // K. Braunmüller, W. Kürschner (Hrsg.). *Grammatik. Akten des 10. Linguistischen Kolloquiums*. Bd. 2. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1976, S. 117 — 126.

A. Carstairs. Outlines of a constraint on syncretism // *Folia linguistica*, Vol. 18 (1984), pp. 73 — 85.

A. Carstairs. *Allomorphy in inflexion*. London: Croom Helm, 1987.

C. V. Chvany. Hierarchies in the Russian case system: For N-A-G-L-D-I, against N-G-D-A-I-L // O. T. Yokoyama, E. Klenin (eds.). *Selected Essays of Catherine V. Chvany*. Columbus (Ohio): Slavica Publishers, 1996, pp. 175 — 187. (orig. publ. 1982)

R. Coleman. The assessment of paradigm stability: Some Indo-European case studies // Plank (ed.) 1991: 197 — 211.

B. Comrie. Genitive-Accusative in Slavic: The rules and their motivation // B. Comrie (ed.). *Classification of Grammatical Categories*. Edmonton, 1978, pp. 27 — 42.

R. G. A. de Bray. *Guide to the South Slavonic Languages*. 3rd ed. Columbus (Ohio): Slavica Publishers, 1980a.

R. G. A. de Bray. *Guide to the West Slavonic Languages*. 3rd ed. Columbus (Ohio): Slavica Publishers, 1980b.

R. M. W. Dixon. *Ergativity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

W. U. Dressler (ed.). *Leitmotifs in Natural Morphology*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1987.

J. Fisiak (ed.). *Historical Morphology*. The Hague etc.: Mouton, 1980.

J. Gebauer. *Historická mluvnice jazyka českého. Díl III. Tvarosloví. I. Skloňování*. Praha: Nakladatelství československé Akademie věd, 1960.

V. I. Georgiev. Interdependenz von Syntax und Morphologie // G. Redard (Hrsg.). *Indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft*. Wiesbaden: Dr. L. Reichert Verlag, 1973, S. 59 — 65.

C. Goddard. Case systems and case marking in Australian languages: a new interpretation // *Australian Journal of Linguistics*, Vol. 2 (1982), pp. 167 — 96.

J. Gvozdanović. Syncretism and the paradigmatic patterning of grammatical meaning // Plank (ed.) 1991: 133 — 160.

W. S. Hamilton. Deep and surface changes in four Slavic noun systems // *Linguistics*, Vol. 127 (1974), pp. 27 — 74.

D. Huntley. The evolution of genitive-accusative animate and personal nouns in Slavic dialects // Fisiak (ed.) 1980: 189 — 212.

J. Johnston. *Systematic Homonymy and the Structure of Morphological Categories: Some Lessons from Paradigm Geometry*. PhD Thesis, University of Sydney, 1997, <http://www.members.optusnet.com.au/~jasonj/thesis.html>.

J. Krámský. A typological study of morphological homonymy in languages // J. Krámský. *Papers in General Linguistics*. The Hague: Mouton, 1974, pp. 156 — 180.

W. Krause, W. Thomas. *Tocharisches Elementarbuch*. Heidelberg: Karl Winter Universitätsverlag, 1960.

S. Luraghi. Patterns of case syncretism in Indo-European languages // A. G. Ramat, O. Carruba, G. Bernini (eds.). *Papers from the 7th International Conference on Historical Linguistics*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1987, pp. 355 — 371.

S. Luraghi. Paradigm size, possible syncretism, and the use of adpositions with cases in flecive languages // Plank (ed.) 1991: 57 — 74.

S. Luraghi. Synkretismus // G. Booij, Chr. Lehmann, J. Mugdan (Hrsg.). *Morphologie. Ein internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung*. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2000, pp. 638 — 647.

G. Meiser. Syncretism in Indo-European languages // *Transactions of the Philological Society*, Vol. 90/2, (1992), pp. 187 — 218.

F. Plank. The functional basis of case systems and declension classes: From Latin to Old French // *Linguistics*, Vol. 17 (1979), No. 7/8, pp. 611 — 640.

F. Plank. Encoding grammatical relations: Acceptable and unacceptable non-distinctness // Fisiak (ed.) 1980: 289 — 325.

F. Plank. Paradigm size, morphological typology, and universal economy // *Folia Linguistica*, Vol. 20 (1986), pp. 29 — 48.

F. Plank. Paradigm arrangement and inflectional homonymy: Old English case // S. Adamson, V. A. Law, N. Vincent, S. Wright (eds.). *Papers from the 5th International Conference on English Historical Linguistics*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1990, pp. 379 — 406.

F. Plank. Rasmus Rask's dilemma // Plank (ed.) 1991: 161 — 196.

F. Plank (ed.). *Paradigms: The Economy of Inflection*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1991.

S. Reчек. *Podręczny słownik dawnej polszczyzny*. Wrocław etc.: Ossolineum, 1968.

G. Stump. On rules of referral // *Language*, Vol. 69 (1993), No. 3, pp. 449 — 479.

G. Stump. *Inflectional Morphology: A Theory of Paradigm Structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

M. Silverstein. Hierarchy of features and ergativity // R. M. W. Dixon (ed.). *Grammatical Categories in Australian Languages*. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1976, pp. 112 — 171.

B. Trnka. On morphemic homonymy // B. Trnka. *Selected Papers in Structural Linguistics*. Berlin etc.: Mouton, 1992, pp. 336 — 339.

E. Williams. Remarks on lexical knowledge // *Lingua*, 92 (1994), pp. 7 — 34.

W. U. Wurzel. System-dependent morphological naturalness in inflection // Dressler (ed.) 1987: 59 — 96.

A. M. Zwicky. How to describe inflection // *Proceedings of the 11th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley, 1985, pp. 372 — 386.

A. M. Zwicky. Systematic versus accidental phonological identity // Plank (ed.) 1991: 113 — 132.